

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ И ОБРАЗНАЯ КОНФИГУРАЦИИ КАРТИНЫ МИРА В ЭПОСЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Для всеобъемлющего понимания культуры важно знать, как выглядит окружающий мир в восприятии людей, принадлежащих к разным культурно-историческим регионам. Культурно-антропологический подход ориентирует современных исследователей на выявление глубинных структур человеческой психики, на поиск стабильных и типических феноменов (тождеств и различий) в сознании людей, разделенных политическими, культурными, этническими перегородками, а также пластами времени.

Важнейшим методологическим решением социофольклористики стало преобразование запечатлённых в текстах народной поэзии и прозы культурных ценностных объектов в субъекты социального действия. Ценности, нормы и идеалы, а также стереотипы их представлений изначально коллективны и приподняты над сферой индивидуальных интересов и потребностей. Культура каждому конкретному обществу и даже обществу в целом задает смысл и в этом заключается одна из важнейших сторон ее нормативных и регулятивных функций. На протяжении многовековой истории любой этнос способен перенести испытания и лишения при условии, если ему присущи устойчивые традиции, идентичность и вера в свою будущность. Напротив, даже в условиях относительного материального благополучия страны и народы деградируют и погибают, если поражены его важнейшие культурные основания (идентичность, нравственность и т. п.). Благодаря культурно-антропологическому подходу, понятийный аппарат гуманитариев пополнился терминами «менталитет», «ментальность», «парадигма сознания», «картина (образ, модель) мира», «стиль мышления» и др.

В ходе проведенного нами ранее исследования была осуществлена спецификация проявлений ментальности восточных славян в различных видах и жанрах фольклора. Разработка проблемы исследования фольклора в качестве источника познания ментальностей была направлена против вульгаризации и дегуманизации истории восточнославянских народов; результаты идентификации ментальностей позволили глубже охарактеризовать социокультурную среду, в которой создавались и бытовали самые разнообразные по жанрам и тематике фольклорные произведения [7].

Исследование заложенной в традиционном устно-поэтическом творчестве ментальности помимо важного научно-теоретического и историко-познавательного значения приобретает в настоящее время и насущную практическую необходимость. Ментальность служит основой функционирования устойчивой системы стереотипизированных представлений, ценностей и смыслов, укорененной на бессознательном уровне и проявляющейся в жизнедеятельности многих поколений людей, которые принадлежат к конкретной историко-культурной общности.

Многообразные фольклорные тексты впитали в себя выработанные традиционной народной культурой стереотипные способы видения и оценки мира, тот «ментальный инструментарий», которым пользовалась основная масса людей на протяжении столетий. Фольклор, понимаемый не «музейно» (в качестве собрания достижений прошлого), а как свидетельство социальной сущности народов, является неоценимым источником познания как исторического наследия, так и современных политических и культурных процессов, проходящих в постсоветских странах. Парадоксальность трагедии народов Советского Союза состоит в том, что их надежды и устремления, идеалы и воля, столетиями закрепляемые в фольклоре, так и не нашли своего истинного воплощения в действительности, претерпели драматический период коллизий, деформаций и замалчиваний. Рост национального самосознания, социальных и культурных потребностей различных слоев общества позволяет по-новому воспринять художественно-эстетическое и воспитательное значение традиционного фольклора как первоисточника духовной культуры, самобытности народа.

Фольклору любого народа присущи гносеологическая (познавательная) и мировоззренческая функции: в многовековом процессе устно-поэтического творчества люди в особой, художественной манере воплощают сформированную массовым сознанием культурную картину мира. Более того, воссоздаваемой по фольклорным источникам картине мира присуща большая полнота и социальная репрезентативность, нежели «картине мира», анализируемой по литературным источникам – «продуктам» элитарной субкультуры глобального, письменного типа культуры (идентифицируемого по способу информационной самоорганизации общества). Социальные, философские, этические и эстетические взгляды белорусского, русского и украинского народов ярко проявляются в эпосе, который столетиями занимает ведущие позиции в общей структуре видов и жанров традиционного устно-поэтического творчества.

К пониманию представленной в эпическом творчестве (как и фольклоре в целом) картине мира необходимо подходить исторически в том смысле, что она отражала мировоззрение народа определенного периода со всеми положительными и отрицательными его сторонами. Идеино-художественное содержание традиционных устно-поэтических произведений важно оценивать с учетом времени их бытования и выявлять элементы стихийности, непоследовательности, ограниченности сознания коллективного автора. Кроме того, методологически важно исследовать картину мира коллективного творца в устной поэзии восточных славян XIX–XX вв. в сравнительном плане – с учетом сущностных характеристик и лирического, и лиро-эпического, и собственно эпического творчества. Как справедливо отметил В. М. Гацак, «из преемств и различий (внутри одной эпической традиции и между разными формациями эпоса) и складывается историческая поэтика как сквозной объединяющий аспект и художественное “исчисление” движения эпоса во времени». Задача сравнительного изучения эпоса и социально-песенной лирики принципиально важна, потому что

необходимо «осмыслить как существеннейший водораздел в художественной истории фольклора переход от мифологизирующей поэтики к поэтике демифологизированной. Исследования показывают, что диалектичность этого перехода становится определяющей для всей системы фольклорных жанров» [2, 3].

Особенно ярким воплощением русского эпического творчества являются былины. Социальная действительность является не основным источником эпического произведения, а лишь одним из факторов, влияющим на их традиционный композиционно-сюжетный состав. Конкретный историзм не характерен для былин: социальный опыт народа преобразуется в духе эпической эстетики и ментальных установок коллективного творца. Конкретно-событийная основа может быть идентифицирована главным образом во второстепенных деталях былинного сюжета. Основным устойчивым стереотипом универсального характера, который проявился в былинном творчестве, является эффект «мифологической персонификации истории»: как и в прозаических жанрах фольклора, изображаемое пространство раздроблено, представляя собой совокупность отдельных локусов, атрибутивно связанных с деяниями конкретного героя. Налицо стремление объяснить главные достижения первооснов национальной истории деятельностью былинных богатырей, которые выполняют функцию «культурных героев» и в цикле Киевских былин олицетворяют воинскую мощь Древней Руси (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович).

Характеризуя «эпическое время» былин, Д. С. Лихачев подчеркивает: «Эта «эпическая эпоха» – некая идеальная «старина», не имеющая непосредственных переходов к новому времени. В эту эпоху вечно княжит князь Владимир, вечно живут богатыри, происходит множество событий. Это, в отличие от сказочного времени, история, но история, не связанная переходами с другими эпохами, как бы занимающая «островное» положение» [4, 228]. Подобная оценка указывает на важнейшую ментальную характеристику, запечатленную в былинном творчестве, – поиск социального идеала («золотого века») в историческом прошлом: традиции созданы предками, и идея «золотого века» неотделима от мировоззренческих установок общества, основанного на устойчивых родовых связях.

Если былинный эпос создает существовавший эталон совершенства, идеальное общество, социальная цель или функция которого – сравнение идеала с настоящим, то исторические песни посвящены конкретным событиям и реальным лицам русской истории и в них отражаются ментальные установки, свойственные более поздним культурно-историческим эпохам.

Современной науке известно более 600 сюжетов русских исторических песен. Во многих из них поднимается тема священной борьбы с внешними и внутренними врагами (первоначально за объединение земель вокруг Москвы). С XVIII века доминирующей стала тема прославления подвига воинов и гордости за ратные подвиги, достигнутые мощной Российской державой (наиболее показательны в этом смысле циклы песен о Петровском

времени и об Отечественной войне 1812 года). В поздних исторических песнях, описывающих военные успехи и расширение территории Российской империи, начинают проявляться идеи русского мессианства.

Эпическое творчество украинцев представлено разнообразными устно-поэтическими жанрами: думами, балладами, духовными стихами, историческими песнями и распространенными на западе Украины збойницькими песнями [3]. Специфика выраженных в песенном творчестве идейно-художественных характеристик украинского эпоса прежде всего проявляется в установке на борьбу за национальную независимость и государственность Украины. Свободолюбивые устремления украинского народа нашли наиболее полное выражение в циклах героических дум о казаке Голоте, Самойле Кишке, атамане Матяше Старом, в исторических песнях, героями которых являются Байда, Нечай, Морозенко, Сирко, а также в опришниковском эпосе, объединенном вокруг фигуры Олексы Довбуша.

Классические эпические формы поэзии на Беларуси не получили широкого распространения, за исключением отмеченных незначительным числом записей отдельных произведений типа русских былин и ранних исторических песен (опубликованы в сборнике «Белорусский эпос» под редакцией П. Ф. Глебки и И. В. Гуторова [1]). Собственно белорусское эпическое творчество представлено по существу тремя песенными жанрами: духовными стихами, поздними историческими песнями и наиболее оригинальными по составу и идейно-художественной направленности балладами, которые вобрали в себя характерные черты обрядовой поэзии и опыт фольклорного отражения реального мира при имущественно-классовом переделе общества.

В восточнославянской прозе эпического характера также нашли отражение стратегии поведения и мировосприятия, сформированные в различные периоды социокультурного развития и зафиксированные исторической памятью белорусского, русского и украинского народов. К наиболее древним устойчивым стереотипам универсального характера относится стремление объяснить главные достижения деятельностью «культурных героев» и легендарных предков (князей, былинных богатырей, «асілкаў», «волатаў» и т. п.). И в позднейших текстах народной прозы генерализованные черты мироведения отражают как объективно наблюдаемую людьми реальность, так и идеальное и мифологизированное представление о ней. Черты мироведения мифологического типа свойственны бытующим на протяжении многих веков демонологическим рассказам, волшебным сказкам и сказкам о животных, большинству разновидностей преданий и легенд – космогоническим, этиологическим, топонимическим, апокрифическим, социально-утопическим, эсхатологическим. Описание модели мира в рамках оппозиции [добро – зло] и повествования о возникновении природных и культурных объектов, о деяниях богов и героев, царей и предводителей в совокупности составляют тот фонд, которым оперируют потомки в мыслительной деятельности, в художественном творчестве, а также при выборе форм индивидуальных и

массовых действий. Ярко представленная в сказках смеховая культура восточнославянских народов основана на гротеске, гиперболизации, нарушении различных запретов и, кроме того, характеризуется неразделенностью чисто развлекательных и сатирических начал (за исключением отдельных сюжетов социально-бытовых сказок).

При изучении культурной картины мира, представленной в эпическом творчестве, наиболее ярко проявляется ее структурно-смысловая и образная конфигурации.

Основу выявляемой в фольклорных текстах структурно-смысловой конфигурации картины мира составляют стереотипные представления о человеке, природном и социальном мире, доминирующие в массовом сознании белорусов, русских и украинцев. Традиционный («классический») фольклор отображал действительность дедуктивным методом: вечные ценности лишь отражаются в частностях жизни – общее является главным. Генерализованные черты мироведения в эпическом творчестве тяготеют к так называемой восточной ментальности, пронизанной идеалами духовно ориентированного бытия, братской любви и самопожертвования во благо общего дела.

Основным принципом художественного «построения» образной конфигурации культурной картины мира выступает принцип «жизнеподобия».

В фольклорных сюжетах и образах получает фиксацию идея о божественном первоисточнике правил человеческого поведения и непосредственной обусловленности норм социального устройства более широкими (космологическими) порядками. Образная картина мира оказывается поделенной на две половины – мир священный (сакральный) и мир обыденный (профанный). Переход границы между мирами возможен в религиозных ритуалах и действиях, благодаря которым мифопоэтическое сознание и соответствующие ментальные структуры преодолевают разрыв сакрального и профанного.

Присутствующая в профанном мире социальная драма эпически показана как проявление высокой космологической драмы – столкновения мировых сил, воплощенных в образе Добра и Зла (а также в производных образах – Правды и Кривды, Света и Тьмы, Своего и Чужого и т. д.). Защита Добра и его воплощений признается священной и нуждается в поддержке со стороны верховной власти. В произведениях внеобрядового фольклора органично связанные с массовыми религиозными воззрениями социально-утопичные представления базируются на идее идеальной крестьянской общины и образе мудрого правителя и (или) борца (царя, князя, пана, вождя, военачальника, былинного героя, *асілка* и т. п.) с силами зла и мрака. На ментальном уровне обретение духовности связывалось с самоограничением и непрактичностью: во имя исполнения общих высших целей и идеалов люди готовы были принять и оправдать любую, даже очень суровую повседневность.

Проповедь аскетизма и самопожертвования присуща основным разновидностям эпических и лиро-эпических духовных стихов («Голубиная книга»; стихи на старозаветные и евангельские темы; стихи о святых и великомучениках; стихи о праведниках и грешниках; стихи о нищей братии и др.). Моральным чувствам и качествам белорусов, русских и украинцев импонировало христианство своими идеалами, светлыми образами, которые благословляли умеренность в потребностях, хорошие отношения в обществе и добрый нрав в семье. В восточнославянских духовных стихах проводится мысль о том, что человек нуждается в Истине, которой он мог бы служить, осознанно подчинив ей свои мысли и поступки. Это положение коренным образом отличается от западной идеи, согласно которой человек нуждается лишь в таких истинах, которые служат ему. Если западная антропоцентрическая матрица ориентирована на будущее (отдельного человека, его близких, народа, человечества в целом), то представленная в духовных стихах поведенческая позиция ориентирована на вечность (что, разумеется, не исключает ориентации на прошлое). Показательна в этом смысле особая эсхатологическая напряженность широко распространенных у восточных славян духовных стихов о Страшном суде [5].

Выявляемая в фольклорных произведениях образная мифопоэтическая картина мира являлась доминирующей интегрирующей идеологией в течение длительного периода социальной истории наших предков и одновременно – одной из автономных сфер массового сознания, выраженной в символической форме. Ориентация ментальных структур на коллективизм, духовные ценности и высшие идеалы усиливала представленную в эпосе архетипическую заданность образной картины мира. Вместе с тем, мы наблюдаем проникновение в тексты фольклорных произведений второй половины XIX–XX вв. идей и образов общественно-политического популизма: пронизанные духом классовой ненависти, многие частушки, рабочие и революционные песни будоражили общественное мнение, отвечая характеру лозунговой стихии разрушения существующего миропорядка. Образ отдельного человека теряется в беспощадной борьбе; за оптимизмом конечной цели свержения правящего режима редко проявляются яркие символы созидания [6].

Подвижность, изменчивость и противоречивость картины мира особенно наглядно проявляется в фольклоре XX столетия, идейно-художественное содержание которого сводит сложный и неоднозначный (многомерный) окружающий мир к упрощенной схеме. Начинает доминировать ментальная установка, в соответствии с которой не человек должен приспособливаться к окружающему миру, а социальные порядки и природа должны изменяться сообразно воле и интересам широких масс населения. В процессе сведения для большинства людей утрачивалась многомерность движения окружающего природного и социального мира. Тексты многих рабочих и революционных песен демонстрируют нарастание процесса маргинализации ментальных структур и обыденного сознания при

переходе значительных масс населения Беларуси, России, Украины из традиционной крестьянской среды в городскую.

Происшедшая на протяжении последних десятилетий ментальная диффузия должна постепенно смениться перекомпановкой духовно-смысловых констант картины мира, актуализацией элементов традиционной картины мира, которые будут способствовать консолидации во благо наших народов и улучшению морального климата. Ментальными предпосылками дальнейшего активного функционирования эпоса в духовной культуре наших народов являются, прежде всего, заложенные в нем ориентации творцов устно-поэтических произведений на коллективность, духовные ценности, а также ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем, выражаемая в умении собраться в экстремальной ситуации и проповеди самопожертвования во имя высших целей и идеалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускі эпас / склад.: С. І. Васілёнак, М. Я. Грынблат, К. П. Кабашнікаў; пад рэд. П. Ф. Глебкі і І. В. Гутарава. Мінск, 1959.
2. Гацак, В. М. Устная эпическая поэзия во времени / В. М. Гацак. М., 1989.
3. Кирдан, Б. П. Украинский эпос / Б. П. Кирдан. М., 1965.
4. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд. М., 1979.
5. Марозаў, А. У. Духоўныя вершы. Жанравыя своеасаблівасці, змест, узаемасувязі з кантамі і псалмамі / А. У. Марозаў // Беларусы. Т. 7. Вусная паэтычная творчасць / Г. А. Барташэвіч, Т. В. Валодзіна, А. І. Гурскі і інш.; рэдкал.: В. М. Бялявіна і інш. Мінск, 2004.
6. Морозов, А. В. Проявление ментальности в традиционном песенном творчестве восточных славян XIX–XX вв. / А. В. Морозов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы II Международной научной конференции (23–24 мая 2001 г., г. Гомель) / под ред. В. В. Кириенко. Гомель, 2001.
7. Морозов, А. В. Фольклор в духовной культуре восточных славян / А. В. Морозов. Вильнюс, 2005.